

**КОНСТИТУЦИОННОЕ И МУНИЦИПАЛЬНОЕ ПРАВО.
КОНСТИТУЦИОННЫЙ СУДЕБНЫЙ ПРОЦЕСС.
АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО И АДМИНИСТРАТИВНАЯ
ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ. ИНФОРМАЦИОННОЕ ПРАВО**

УДК 340.1

**О ЮРИДИКО-ТЕХНИЧЕСКИХ
КОНСТРУКЦИЯХ САНКЦИЙ
КОНСТИТУЦИОННОЙ
ОТВЕТСТВЕННОСТИ**

ЛИПИНСКИЙ Дмитрий Анатольевич
*доктор юридических наук, профессор,
профессор департамента магистратуры
Тольяттинского государственного универ-
ситета, г. Тольятти, Россия.
E-mail: Dmitri8@yandex.ru*

**ON LEGAL AND TECHNICAL DESIGNS
OF SANCTIONS OF CONSTITUTIONAL
LIABILITY**

LIPINSKY Dmitry Anatolyevich
*Doctor of Law, Professor, Professor of the
Master's Studies Department of the Togliatti
State University, Tolyatti, Russia.
E-mail: Dmitri8@yandex.ru*

Конституционные санкции выступают средством обеспечения законности и правопорядка, а также стимулирования правомерного поведения, что обуславливает актуальность данной проблематики. В статье исследуются виды конституционных санкций в разграничении с иными мерами защиты права, анализируются их конструкции и основания применения. Санкции негативной конституционной ответственности безальтернативны и абсолютно определены, что обусловлено как особой юридической природой конституционных правонарушений, так и конституционной ответственности. Отличительной чертой конституционных санкций выступает их усложненный порядок реализации.

Ключевые слова: санкции, юридическая ответственность, конституционная ответственность, конструкции санкций, конституционное правонарушение, законность, правопорядок.

Constitutional sanctions are one of the means to ensure legality and order, as well as to encourage lawful behavior, which determines the relevance of this issue. The article examines the types of constitutional sanctions in delineation with other measures to protect law, analyzes their designs and the basis for their application. It is substantiated that sanctions of negative constitutional liability are non-alternative and absolutely defined, which is conditioned by both the special legal nature of constitutional offenses and by constitutional liability. A distinctive feature of constitutional sanctions is their complicated order of implementation.

Key words: sanctions, legal liability, constitutional liability, sanctions design, constitutional offense, legality, law and order.

*Статья подготовлена при поддержке РФФИ проект № 17-03-00022
ОГН «Альтернативные санкции в механизме реализации дифференциации
и индивидуализации юридической ответственности»*

Прежде чем рассматривать конструкции санкций конституционной ответственности необходимо обратиться к понятию конституционного правонарушения, так как наказуемость является его признаком, а как известно санкции являются формальным выражением того или иного юридического наказания. В юридической науке существует два подхода к определению конституционного правонарушения «узкий» и «широкий». По мнению К.С. Скифского, любое правонарушение – это разновидность конституционного правонарушения, так как оно

нарушает общую конституционную обязанность соблюдать Конституцию и законы [1, с. 12]. В связи с чем, обратим внимание на общеизвестное научное положение, которое не оспаривается учеными, а звучит как правовая аксиома: правонарушение – это фактическое основание негативной юридической ответственности.

Такое понимание конституционного правонарушения может привести к весьма неординарному выводу: нарушение норм Конституции порождает правоотношения уголовной, гражданско-правовой, административной и других видов юридической ответственности. Широкое понимание конституционного правонарушения ведет к смешению различных видов юридической ответственности, а их перечень конституционных правонарушений становится безграничным. Кроме того, в юридической литературе с большим трудом отграничивают саму конституционную ответственность от иных видов юридической ответственности, при подобном же понимании конституционного правонарушения любое отграничение конституционной ответственности от иных видов юридической ответственности становится практически невозможным. Определение конституционного правонарушения, исходя из широких позиций, может привести к выводу, что обычный субъект (физическое лицо), который не наделен властными полномочиями, может являться субъектом конституционной ответственности. Между тем, в основе выделения конституционной ответственности в самостоятельный вид юридической ответственности находятся несколько взаимосвязанных критериев: нормативная основа (формальное основание); конституционное правонарушение (фактическое основание, связанное с формальным основанием); особенности применяемых мер; усложненный порядок применения мер конституционной ответственности; особый субъектный состав лиц, наделенных полномочиями применять меры конституционной ответственности; специальный круг субъектов, к которым применяются меры конституционной ответственности.

Мы придерживаемся «узкого», классического понимания конституционного правонарушения, основанного на совокупности перечисленных выше критериев. При этом отграничивать конституционную ответственность от иных видов юридической ответственности необходимо не на основе одного критерия, а именно в совокупности указанных выше признаков. Особое внимание должно отводиться перечню объектов конституционных правонарушений, который не должен приводить к смешению конституционной ответственности, конституционных санкций с иными видами ответственности, в том числе и не юридического характера. Поэтому сложно согласиться с мнением А.А. Гогина, что нравственность выступает в качестве объекта конституционного деликта [2, с. 77]. Мы не отрицаем того, что многие правовые нормы наполнены моральным содержанием, в том числе и конституционные, но как с позиции теории, так и с практической точки зрения это ничего не дает в вопросах отграничения конституционных правонарушений от иных разновидностей деликтов, а на основе видовых отношений нравственности сделать это не представляется возможным. Да и сам А.А. Гогин, не привел в своей статье примерный перечень отношений нравственности (а они очень многообразны), на которые может посягать конституционное правонарушение, ограничившись в заключение работы весьма абстрактным выводом о том, что «нравственность как объект конституционного деликта необходимо рассматривать с разных сторон, с учетом прямого и косвенного воздействия моральных норм на все стороны социальной действительности» [2, с. 83]. Возможно, так автором своеобразно трактуется ч. 3 ст. 55 Конституции: «Права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены федеральным законом только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства», но в ней устанавливаются основы охраны нравственности при помощи норм с иной отраслевой принадлежностью и пределы их ограничения.

Перейдем непосредственно к вопросу о санкциях конституционной ответственности. В юридической литературе приводится их различный перечень. Н.М. Колосова к ним относит: «досрочное лишение (изменение) конституционного статуса государственного органа,

должностного лица, общественного объединения; признание неконституционным акта или отдельных положений, приостановление действия актов органов исполнительной власти субъектов РФ; ограничение специального или общего статуса физического лица (ограничение прав и свобод в условиях чрезвычайного положения)» [3, с. 90]. Н.М. Савин считает, что конституционными санкциями являются: отрешение Президента от должности; роспуск Государственной Думы, лишение депутатской неприкосновенности, отставка Правительства, признание нормативных правовых актов в целом или в какой-то части не соответствующими конституции [4, с. 16]. Некоторые авторы идут еще дальше, считая практически любое правоограничение формой конституционной санкции. Иначе просто невозможно объяснить определение И.Н. Барцицом и В.Н. Савиным введение режима чрезвычайного положения, как меры конституционной ответственности [5, с. 89; 6, с. 67]

В этих перечнях «конституционных санкций» происходит смешение двух самостоятельных правовых средств, а именно: санкций и мер защиты. Признание нормативного правового акта не соответствующим Конституции РФ, приостановление действия правового акта, введение режима чрезвычайного положения – это меры защиты, признаки которых не совпадают с мерами юридической ответственности, они могут применяться и без юридического факта правонарушения, или в случае совершения объективно-противоправных деяний, а также в отношении лиц, которые вообще не совершали каких-либо юридически значимых фактов. И сами ученые, относящие данные правовые средства к санкциям конституционной ответственности, не задаются вопросом об их отграничении от мер защиты, что и приводит к подобного рода выводам. Между тем, меры защиты и критерии их отграничения от мер юридической ответственности достаточно подробно разработаны в юридической литературе, в том числе и в работах автора этой статьи [7, 8, 9, 10]. Так, в ст. 2 Федерального конституционного закона РФ от 30 мая 2005 г. № 3-ФКЗ «О чрезвычайном положении» прямо указано, что целями его введения являются: «устранение обстоятельств, послуживших основанием для его введения, обеспечение защиты прав и свобод человека и гражданина, защиты конституционного строя Российской Федерации» [11]. Меры, которые вводятся, носят временный характер, и сам законодатель не относит их к мерам юридической ответственности. Результатом введения режима чрезвычайного положения выступают ограничения прав граждан, но сам режим вводится не ввиду их действий, в противном случае необходимо было бы признать, что все граждане, чьи права ограничены, несут безвиновную конституционную ответственность, но это противоречит как самой Конституции РФ, так и положениям теории юридической ответственности, а также многочисленным решениям Конституционного Суда РФ.

В литературе можно встретить мнение, когда целый гражданско-правовой институт возмещения вреда, причиненного незаконными действиями (бездействиями) органов государственной власти и их должностных лиц относят к мерам конституционной ответственности, ссылаясь на ст. 53 Конституции, закрепляющей право каждого «на возмещение государством вреда, причиненного незаконными действиями (или бездействием) органов государственной власти или должностных лиц» [12, с. 50]. По своей юридической природе такая ответственность носит гражданско-правовой характер, а ст. 53 Конституции предопределяет содержание гражданского законодательства и выступает основой для закрепления соответствующих мер гражданско-правового характера. Безусловно, ввиду прямого действия Конституции в самих исках граждане вправе ссылаться и на Основной Закон нашего государства, но нести ответственность органы государственной власти будут на основе норм Гражданского кодекса РФ, а также на основе норм, закрепленных в иных нормативных актах.

Спорным представляется и суждение М.Н. Колосовой, считающей отмену решения о приеме в гражданство мерой конституционной ответственности [3, с. 88]. Отмена решения о приеме в гражданство по своим последствиям влечет возвращение субъекта в прежний правовой статус, здесь нет правоограничений характерных для юридической ответственности.

Полагаем, что конституционная ответственность характеризуется следующими санкциями:

- отрешение Президента от должности;
- отставка Правительства;
- отставка отдельных министров;
- выражение недоверия Правительству РФ;
- роспуск Государственной Думы;
- досрочное прекращение полномочий законодательного (представительного) органа субъекта федерации;
- выражение недоверия высшему должностному лицу субъекта РФ законодательным (представительным) органом государственной власти субъекта Российской Федерации;
- отрешение от должности Президентом Российской Федерации высшего должностного лица субъекта в связи с утратой доверия;
- вынесение предупреждения законодательному органу или руководителю субъекта РФ;
- досрочное прекращение полномочий высшего должностного лица субъекта РФ;
- досрочное прекращение полномочий соответствующего органа местного самоуправления;
- досрочное прекращение полномочий Уполномоченного по правам человека;
- освобождение от должности Председателя Счетной палаты, его заместителя и аудиторов;
- отзыв высшего должностного лица субъекта РФ избирателями;
- предупреждение законодательному органу субъекта РФ, вынесенное Президентом РФ;
- роспуск законодательного органа субъекта РФ, Президентом РФ;
- отзыв избирателями депутатов законодательных органов субъектов РФ.

Считаем необходимым пояснить, почему отдельные санкции мы отнесли к мерам конституционной ответственности. Так, ответственность ряда должностных лиц обусловлена их особым статусом и специальным порядком досрочного прекращения их полномочий и кругом субъектов, наделенных правом принятия решения о досрочном освобождении от должности. В Федеральном законе от 5 апреля 2013 г. № 41-ФЗ «О счетной палате Российской Федерации» [13] указано, что Председатель Счетной палаты освобождается от должности решением Государственной Думы, которое оформляется постановлением ГД по представлению Президента РФ. Среди оснований для досрочного прекращения полномочий следует назвать: нарушение законодательства РФ или совершения злоупотребления по службе, если за такое решение проголосует большинство от числа депутатов ГД; в связи с утратой доверия в случаях, которые предусмотрены Федеральным законом от 25 декабря 2008 года № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» (ст. 7). Особый порядок отстранения от должности предусмотрен также для заместителя Председателя Счетной палаты и для аудиторов Счетной Палаты. Особый порядок прекращения полномочий предусмотрен также для Уполномоченного по правам человека, который закреплен в Федеральном Конституционном законе от 26 февраля 1997 года № 1-ФКЗ «Об уполномоченном по правам человека в Российской Федерации» [14]. Прекращение полномочий также предусмотрено Федеральным Конституционным законом от 21 июня 1994 № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде РФ» [14] в отношении Судьи Конституционного Суда РФ. Среди оснований, порождающих правоотношения юридической ответственности, следует отметить: продолжение судьей, несмотря на предупреждение со стороны Конституционного Суда РФ, занятий или совершения действий, не совместимых с его должностью; совершение судьей поступка, порочащего честь и достоинство судьи; неучастие в заседаниях Конституционного Суда РФ или уклонения его от голосования свыше двух раз подряд (ст. 18). В последние годы получила распространение практика объявления Президентом РФ выговоров отдельным министрам, а также отстранения их от должности. Актом применения юридической ответственности в данном случае выступает Указ Президента РФ, но проанализированные нами указы содержат ссылки, на основе какого нормативного акта он выносятся. По мнению ряда ученых такие полномочия вытекают из правового статуса Президента [15, с. 45].

Анализ санкций негативной юридической ответственности показывает, что все они безальтернативны и абсолютно определены. Они не предоставляют возможности правоприменителю выбрать ту или иную меру юридической ответственности. Возникает вопрос, а верно ли в данном случае поступил законодатель, который должен руководствоваться принципом дифференциации, создавая тем самым основы для реализации индивидуализации на уровне применения норм права. Отвечая на поставленный вопрос, следует подчеркнуть, что отраслевые институты юридической ответственности многообразны и в них по-разному реализуется принцип индивидуализации. В одних отраслевых институтах существует широкий спектр различных наказаний, в других он сведен к минимальному перечню. Или институт гражданско-правовой ответственности в целом основан на том, что предоставляет возможность участникам гражданско-правовых отношений самим в договоре индивидуализировать меры гражданско-правовой ответственности. Конструкции санкций конституционной ответственности исключают какую-либо альтернативу, так как законодатель дифференцировал ряд правонарушений как конституционные. Это обусловлено особым местом как конституционного права, так и конституционной ответственности в правовой системе общества, а также особой важностью круга отношений, которые регулируются при помощи норм конституционного права. В самом обобщенном виде – это конституционный строй, его важнейшие элементы, конституционная законность с правопорядком. Отличительной чертой санкций конституционной ответственности является также усложненный порядок их реализации, что обусловлено особым статусом субъектов, к которым они могут применяться.

В развитии теории конституционной ответственности можно указать еще на один ее отличительный признак – безальтернативный и абсолютно определённый характер санкций.

Ранее мы неоднократно указывали, что придерживаемся концепции существования в праве поощрительных санкций, которые являются одной из форм выражения позитивной юридической ответственности [16, 17]. В связи с чем возникает вопрос о существовании поощрительных санкций в конституционном праве и их юридико-технических конструкциях. А.С. Автономов отмечает, что в Конституции содержатся ориентиры для законодателя, которые предопределяют дальнейшее направление его действия. В частности, указывается на положения ч. 3 ст. 39, устанавливающие ориентиры для поощрения добровольного социального страхования, благотворительности и ч. 2 ст. 41 в которой закреплено: «поощряется деятельность, способствующая укреплению здоровья человека, развитию физической культуры и спорта, экологическому и санитарно-эпидемиологическому благополучию» [18, с. 251]. Однако в строгом смысле данные положения Конституции не являются поощрительными санкциями, они не содержат конкретные объем и меру позитивного воздействия в отношении субъектов, но обязывают законодателя и другие органы принимать нормативные акты, направленные на стимулирование данных видов деятельности. А.С. Автономов отмечает, что «сегодня по закону от необходимости сбора подписей на выборах в Государственную Думу освобождены партии, уже представленные в ней, те, кто на предыдущих выборах набрал не менее 3% голосов избирателей, а также имеющие фракции хотя бы в одном законодательном (представительном) органе государственной власти субъекта РФ» [18, с. 258].

Действительно, одной из разновидностей поощрительной санкции является освобождение от обязанностей или уменьшение объема обязанностей в случае совершения субъектом положительных социально-активных действий, которые приводят к социально-значимым результатам. Конечно, с небольшой долей условности освобождение от данной обязанности можно отнести к поощрительной санкции. Условность обусловлена тем, что «размыты» сами социальные основания поощрения. Оно должно применяться за социально-значимые результаты. Социальность того, что некоторые партии набрали больше 3% голосов или имеют фракцию в представительном органе не очевидна. Можно набрать необходимое количество голосов, но не действовать в интересах избирателей. Сказанное не означает, что в Конституционном праве не должен формироваться полноценный институт поощрения.

Обращает на себя внимание Указ Президента РФ от 7 сентября 2010 г. № 1099 «О мерах по совершенствованию государственной наградной системы Российской Федерации» [19]. Ввиду того, что перечень оснований (заслуг), за которые лицо может быть представлено к государственной награде, очень широк, в целом данный нормативный акт сложно отнести к конституционному законодательству, скорее всего, он носит комплексный характер. Наградное законодательство О.Ю. Кокурина относит к комплексной отрасли законодательства [20, с. 96]. Безусловно, награждение государственной наградой за достижения в области государственного строительства, укрепление законности (в том числе и конституционной) следует рассматривать как поощрительную конституционно-правовую санкцию. Однако возникает вопрос, а награждение любой государственной наградой – это применение конституционной поощрительной санкции или санкции, относящейся к иной отрасли законодательства? Думается, что если в целом государственное наградное законодательство относится к комплексному нормативному образованию, то и не любую награду можно рассматривать как форму конституционного поощрения, несмотря на то, что исходит оно от государства. Если обратиться к парной категории – наказанию, оно аналогично исходит от государства, но мы не считаем его конституционной санкцией. Проведенный анализ данного указа показывает, что государственные награды перечисляются в зависимости от степени их значимости от наивысшей к менее значимой. В представлении о поощрении указывается, к какой награде представляется субъект, но наградная Комиссия может принять решение об изменении вида или степени государственной награды, к награждению которой представлено лицо. При этом Указ не содержит положений, определяющих, как может быть изменен вид или степень государственной награды в сторону увеличения или уменьшения ее значимости. Следовательно, возможен как первый, так и второй варианты. Поэтому можно сделать вывод, что санкция в виде награждения государственной наградой носит альтернативный характер.

Итак, в завершении статьи можно сделать ряд выводов.

1. Санкции негативной конституционной ответственности безальтернативны и абсолютно определены, что обусловлено как особой юридической природой конституционных правонарушений, так и конституционной ответственности. Отличительной чертой конституционных санкций выступает их усложненный порядок реализации.

2. В развитии теории конституционной ответственности можно указать еще на один ее отличительный признак – безальтернативный и абсолютно определённый характер санкций.

3. В конституционном законодательстве практически не представлены поощрительные санкции, оно содержит лишь ориентиры для формирования мер поощрения в других нормативных правовых актах

Библиографические ссылки

1. Скифский Ф.С. Ответственность за конституционные правонарушения. Тюмень : Тюм. юрид. ин-т, 1998.
2. Гогин А.А. Нравственность как объект конституционного деликта // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия. Право. 2009. № 1. С. 77-83.
3. Колосова Н.М. Конституционная ответственность – самостоятельный вид юридической ответственности // Государство и право. 1997. № 12. С. 86-91.
4. Назаров Д.И., Назарова И.С. Ответственность в конституционном праве // Конституционное и муниципальное право. 2000. № 1. С. 14-21.
5. Савин В.Н. Ответственность государственной власти перед обществом // Государство и право. 2000. № 12. С. 86-91
6. Барциц И.Н. Федеративная ответственность: конституционно-правовые аспекты. М. : Изд-во научно-образовательной литературы РЭА, 1990.

7. Липинский Д.А., Бессолицын А.Г. О разграничении мер защиты и мер юридической ответственности // Современное право. 2013. № 4. С. 12-14.
8. Липинский Д.А., Мусаткина А.А. Юридическая ответственность санкции и меры защиты. М. : Риор, 2013.
9. Ведяхин В.М., Шубина Т.Б. Защита права как правовая категория // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 1998. № 1 (220). С. 67-79.
10. Фомин А.А. Юридическая безопасность субъектов российского права. Саратов, 2005.
11. Собрание законодательства РФ. 2001. № 23. Ст. 2277.
12. Краснов М.А. Публично-правовая ответственность представительных органов за нарушение закона // Государство и право. 1993. № 6. С. 48-52.
13. Собрание законодательства РФ. 2013. № 14. Ст. 1649.
14. Собрание законодательства РФ. 1997. № 9. Ст. 1011.
15. Собрание законодательства РФ. 1994. № 138. Ст. 1447.
16. Крысанов А.В. Конституционно-правовая ответственность Правительства Российской Федерации и его должностных лиц: основания и порядок реализации // Конституционное и муниципальное право. 2013. № 5. С. 45-49.
17. Липинский Д.А., Шишкин А.Г. Понятие меры юридической ответственности // Журнал российского права. 2013. № 6 (198). С. 40-49.
18. Липинский Д.А., Шишкин А.Г. Меры позитивной юридической ответственности // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2013. № 1 (306). С. 33-44.
19. Автономов А.С. Поощрительные санкции в конституционном праве // Поощрительные санкции в праве: общетеоретический и отраслевой аспекты / под ред. А.В. Малько. М. : Юрлитинформ, 2016.
20. Собрание законодательства РФ. 2010. № 37. Ст. 4643.
21. Кокурина О.Ю. О юридических системных функциях института наград государства в Российском праве // Государство и право. 2017. № 11. С. 96-99.

References

1. Skifskiy F.S. Otvetstvennost' za konstitutsionnyye pravonarusheniya (Responsibility for constitutional offenses). Tyumen', Tyum. yurid. in-t, 1998.
2. Gogin A.A. Nравstvennost' kak ob'yekt konstitutsionnogo delikta (Morality as an object of constitutional delict), *Vestnik Samarskoy gumanitarnoy akademii. Seriya. Pravo*, 2009, No. 1, pp. 77-83.
3. Kolosova N.M. Konstitutsionnaya otvetstvennost' – samostoyatel'nyy vid yuridicheskoy otvetstvennosti (Constitutional responsibility is an independent type of legal responsibility), *Gosudarstvo i pravo*, 1997, No. 12, pp. 86-91.
4. Nazarov D.I., Nazarova I.S. Otvetstvennost' v konstitutsionnom prave (Responsibility in constitutional law), *Konstitutsionnoye i munitsipal'noye pravo*, 2000, No. 1, pp. 14-21.
5. Savin V.N. Otvetstvennost' gosudarstvennoy vlasti pered obshchestvom (Responsibility of state power to society), *Gosudarstvo i pravo*, 2000, No. 12, pp. 86-91.
6. Bartsits I.N. Federativnaya otvetstvennost': konstitutsionno-pravovyye aspekty (Federal responsibility: constitutional and legal aspects). Moscow, Izd-vo nauchno-obrazovatel'noy literatury REA, 1990.
7. Lipinskiy D.A., Bessolitsyn A.G. O razgranichenii mer zashchity i mer yuridicheskoy otvetstvennosti (On the delimitation of protection measures and legal liability measures), *Sovremennoye pravo*, 2013, No. 4, pp. 12-14.
8. Lipinskiy D.A., Musatkina A.A. Yuridicheskaya otvetstvennost' sanktsii i mery zashchity (Legal liability sanctions and protection measures), Moscow, Rior, 2013.
9. Vedyakhin V.M., Shubina T.B. Zashchita prava kak pravovaya kategoriya (Protection of law as a legal category), *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Pravovedeniye*, 1998, No. 1 (220), pp. 67-79.

10. Fomin A.A. Yuridicheskaya bezopasnost' sub'yektov rossiyskogo prava (Legal security of subjects of Russian law). Saratov, 2005.
11. Sobraniye zakonodatel'stva RF (Collection of the legislation of the Russian Federation). 2001, No. 23, st. 2277.
12. Krasnov M.A. Publichno-pravovaya otvetstvennost' predstavitel'nykh organov za narusheniye zakona (Public liability of representative bodies for violation of the law), *Gosudarstvo i pravo*, 1993, No. 6, pp. 48-52.
13. Sobraniye zakonodatel'stva RF (Collection of the legislation of the Russian Federation). 2013, No. 14, st. 1649.
14. Sobraniye zakonodatel'stva RF (Collection of the legislation of the Russian Federation). 1997, No. 9, st. 1011.
15. Sobraniye zakonodatel'stva RF (Collection of the legislation of the Russian Federation). 1994, No. 138, st. 1447.
16. Krysanov A.V. Konstitutsionno-pravovaya otvetstvennost' Pravitel'stva Rossiyskoy Federatsii i yego dolzhnostnykh lits: osnovaniya i poryadok realizatsii (Constitutional and legal responsibility of the Government of the Russian Federation and its officials: the grounds and procedure for implementation), *Konstitutsionnoye i munitsipal'noye pravo*, 2013, No. 5, pp. 45-49.
17. Lipinskiy D.A., Shishkin A.G. Ponyatiye mery yuridicheskoy otvetstvennosti (The concept of legal liability), *Zhurnal rossiyskogo prava*, 2013, No. 6 (198), pp. 40-49.
18. Lipinskiy D.A., Shishkin A.G. Mery pozitivnoy yuridicheskoy otvetstvennosti (Measures of positive legal responsibility), *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Pravovedeniye*, 2013, No. 1 (306), pp. 33-44.
19. Avtonomov A.S. Pooshchritel'nyye sanktsii v konstitutsionnom prave (Incentive sanctions in constitutional law), *Pooshchritel'nyye sanktsii v prave: obshcheteoreticheskiy i otraslevoy aspekty*, pod red. A.V. Mal'ko. Moscow, Yurlitinform, 2016.
20. Sobraniye zakonodatel'stva RF (Collection of the legislation of the Russian Federation). 2010, No. 37, st. 4643.
21. Kokurina O.Yu. O yuridicheskikh sistemnykh funktsiyakh instituta nagrad gosudarstva v Rossiyskom prave (On the legal system functions of the institute of state awards in Russian law), *Gosudarstvo i pravo*, 2017, No. 11, pp. 96-99.

Дата поступления: 27.09.2018

Received: 27.09.2018